

Елена Образцова:

ком. пров. - 1992. - 30 сент

МЕНЯ НИКОГДА НЕ ПОКИДАЛИ

В Москве осень. Елене Васильевне грустно, она только что вернулась из гастрольной поездки, которая длилась полгода: Испания, Япония, Тайвань и снова Испания, календоскоп лиц, событий, встреч, концертов, премьеры «Фаворитки»...

— ...Грустно, и не потому, что улицы не метены и люди печальны — атмосфера другая: телевидение, радиопередачи, разговоры со знакомыми — все наводит на печальные размышления. Знаю, что впадаю в грех, ведь, согласно Евангелию, один из самых больших грехов — уныние.

Петь «Фаворитку» ее приглашали давно, но как-то все не складывалось. Теперь премьеры позади. Испанские газеты писали много и восторженно. Елена Васильевна показывает некоторые из них, читаю: «Это исполнение можно занести в историю воссоздания «Фаворитки».

— Вы сами признавались, что в вашем возрасте петь «Фаворитку» — чистое безумие. Теперь вы так не думаете?

— Нет, нет. Я и сейчас могу так сказать. Я пела ее потому, что мне не хочется стариться и самой себе сдаваться. Но спела я хорошо, справилась со всеми трудностями, и даже не чувствовала, что мне пора уходить.

— Вы говорили, что когда поете Марфу или Любушу, то

очищаетесь душой. Что вы чувствовали, когда пели эту премьеру?

— Любовь, такую чистую, как дистиллированная вода. И потом я пела с молодым составом. Герою — 22 года. Божественный голос, изумительный лирический тенор. И вся компания была очень юная, я с ними вернулась в молодость, любовь, в радость жизни.

— Елена Васильевна, это не для интервью, но утолите любопытство, наверное, в таких ситуациях возможны романтические чувства?

— Почему не для интервью, романтические чувства меня никогда не покидали, а в Испании тем более (заразительно смеется).

— Постановка была традиционной или с «активной» режиссурой?

— Слава Богу, традиционная, я за такие постановки, всегда говорила и говорю: кто хочет поиска — пишите новые оперы и там пускайтесь в изыскания, а над классикой издеваться нельзя.

Вот по телевизору увидела отрывок из новой оперы Шнитке «Жизнь с идиотом», про нашего Ильича. Когда я все это посмотрела, то была потрясена. Такие талантливые люди: М. Ростропович, В. Покровский, А. Шнитке, а участвуют в гадости и еще при этом говорят, что это гениально.

— Не расстраивайтесь, Елена Васильевна, вы сгущаете краски.

— Где же сгущаю, никому в голову не приходит — что мы теряем. Нужна контрактная система. Если не оплатят, так хотя бы интересными постановками надо привлекать таланты.

— Что вы готовите в этом сезоне?

— Вместе с В. Чачавой готовим Брамса и Форте, буду учить «Весталку» Спонтини.

— Где вы будете петь?

— Не знаю, смотря каких спонсоров найдем. Государству ведь теперь не до этого, им кормить людей надо. Но все-таки я бы на их месте задумалась. Упустим момент, люди разведутся. Чтоб вновь вырастить певцов и музыкантов, лет 100 потребуются. Надо собрать нас, стариков, и

учить молодежь, чтоб не прерывалась связь.

Грустное, грустное настроение. Ощущение ненужности, никчемности. И в консерватории плохо. Новых студентов не дали, никому ничего не нужно. Хотела уйти, да девчонки рев устроили.

— И все-таки, не так все плохо, Елена Васильевна, это после премьер и гастрольных поездок вам так грустно.

— Да нет, я умная женщина, к сожалению.

...Через несколько дней была «Пиковая дама» в Большом. В Летнем саду уже дети спели свое «Гори, гори ясно...», а гуляющая публика и гувернантки — про «солнечный денек». Дверь на сцену медленно растворила, и в проеме появилась Графиня с Лизой. Елена Образцова и Ирина Удалова, прежде чем ступить сюда, быстро перекрестились и затем обе вошли. Грозно осматрившись вокруг (давно не была здесь), стуча палкой об пол, Графиня двинулась с какой-то своей целью дальше, потом, словно удостоверившись, что она дома и все на месте, вернулась к Лизе на исходную позицию. Ирина Удалова взяла Елену Васильевну под руку — и они шагнули из закулисья в мир оперы.

Боже, как они звучали в тот вечер!

Г. ВАСИЛЬЕВА.